

К 70-ЛЕТИЮ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

"НАДЕЕМСЯ ВАС УВИДЕТЬ НА РУССКОЙ ЗЕМЛЕ".

II декабря КЛУБ-8I провел вечер, посвященный 70-летию А.И. Солженицына. С докладами выступили Б.Иванов /журнал ЧАСЫ/, А.Гурьянов /СУМЕРКИ/, Г.Анищенко /ВЫБОР/, Н.Симаков. Были представлены фотографии писателя, машинописный сборник, выпущенный журналом СУМЕРКИ к юбилею; монтаж высказываний советских газет о Солженицыне подготовил И.Андреев. Прозвучали записи чтения писателем своих произведений. От имени присутствующих юбиляру была послана поздравительная телеграмма: "От души поздравляем Вас, Александр Исаевич, с 70-летием. Долгих Вам лет жизни на благо нашего народа. Надеемся Вас увидеть на русской земле."

Принято предложение ежегодно проводить "Солженицынские чтения" — научно-общественный семинар, посвященный творчеству великого соотечественника.

Ниже публикуются тексты докладов Б.Иванова, Г.Анищенко, Н.Симакова.

Б.Иванов. А.И.Солженицын.

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ.

Если и есть тайны русского народа, то, наверно, это тайны появления в ее истории таких людей, как Александр Исаевич Солженицын. Эту тайну хорошо передает вопрос, принадлежащий Хрущеву, который он задал на одном совещании, где выступил Андрей Сахаров — ОТКУДА ОН ВЗЯЛСЯ? Этот вопрос ОТКУДА ВЗЯЛСЯ выслушал в том или ином варианте не только Сахаров. Это вопрос искреннего удивления в стране, где все сделано для того, чтобы гений появиться не мог. Если его не задушили в колыбели, — сломают в детском саду, не в саду, так в школе, не в школе — так в университете, на службе, в армии, в лагере, в быту; унизят, оскорбят, изобьют, лишат нужных книг, витамина человеческого тепла. ОТКУДА ВЗЯЛСЯ — удивление не только таких душегубов как Сталин, но и простых людей, ибо и они есть простодушная сила, которая всегда верила и продолжает верить, что ничего от жизни хорошего ждать нечего, и ничего с нашей жизнью сделать нельзя.

Этот вопрос можно было адресовать и к Пушкину. Как Пушкин — задира, дуэлянт, ссыльный острослов, получен тайного общества мог дожить до 37 лет!!! А дожить ему до 25-ти — и не было бы ни "Евгения Онегина", ни всей его прозы, ни "Медного всадника", наиболее зрелой лирики, был бы он поэтом байронической школы, и, возможно, мы тогда бы изучали Пушкина, как современника официального Жуковского. Обратим внимание еще и еще раз — Радищев, Пушкин, Чаадаев, Лермонтов, Аксаковы, Достоевский, Тургенев, Герцен, Толстой, В.Соловьев, Данилевский, А. Ремизов, Бердяев и многие, многие другие — все были так или иначе репрессированы, — если не пережили каторги и солдатчины, то отбывали ссылки, лишались званий, профессионального заработка, возможности печатать свои произведения на родине. Этот список можно бесконечно расширить, включая сюда цвет русской ин-

теллигенции, погубленной в годы сталинщины, и причислив имена десятков талантливых поэтов, художников писателей уже нашего времени, и, разумеется, нашу гордость Иосифа Бродского. При этом мы будем говорить о людях не боковых культурных ветвей, а основного культурного ствола России. То есть, репрессии и прежде, и сейчас направляются против культуры в ее наиболее ярком человеческом выражении.

Тайна Солженицына прежде всего в том, что принадлежа к основному стволу русской культуры, он сумел выжить. Если мы зададим вопрос, как он смог выжить в то время, как его могли задушить в голод во время коллективизации, репрессировать за то, что принадлежал к роду сильному своим трудом на земле, убить на войне, замучать в лагере, подорвать ссылными испытаниями — и опуститься, спиться среди безнадёжного быта, без общения, без нужных книг, без учителей... мы невольно почувствуем, что вопрос, — как можно выжить в таких условиях? — это действительно загадка, а не риторическое вопрошание.

На этот вопрос пытается ответить сам Солженицын. Он пишет об этом и в "Одном дне Ивана Денисовича", и в "Раковом корпусе", и "В круге первом" и в "ГУЛАГЕ" — пишет всегда. Он пишет об этой фантастической игре, в которой человек должен быть уничтожен, если не сегодня, то завтра, не завтра, то послезавтра. (Так и гласит лагерная поговорка: "Мы все умрем, но ты умри сегодня, а я завтра".) Он пишет о бесконечном числе ухищрений, которыми защищает себя человек, чтобы пронести в барак щепку для печки или карандаш. Он пронесет этот карандаш через десяток шмонов, ему будут заглядывать в рот и в зад, прощупают до позвоночника, но он все-таки пронесет этот карандаш, размером в полспички. Мы можем узнать, как он собирал материал к ГУЛАГУ, как прятал рукописи, как брил и отращивал бороду, чтобы спасти шедевр XX века от рук КГБ.

Не удивляйтесь этому — и Пушкин, как вы знаете, замысливал детективную акцию — побег на Запад. Он тоже прятал и шифровал рукописи, и сжигал их. И Радищев, и Герцен... И Ахматова. И Мандельштам.

... При всей несоизмеримости физических испытаний, — которые разве можно сравнить с испытаниями аввакумовскими, — Сол-

женицын жиѣ жизнью к о р е н н о г о ч е л о в е к а рус-
ской культуры. Эта ситуация с неограниченным числом задач, фор-
мирует русского человека по своему типу у н и в е р с а л ь -
н о г о .

Если, в сущности, репрессируется основной костяк русской
культуры, то из этого следует не только перечень жертв, но ха-
рактеристика того воздуха, того общего настроения, в котором
человек русской культуры живет всегда — это воздух порогового
риска, больших душевных испытаний. Литература оказывается боль-
ше, чем профессия. Только в России литература играет в жизни
народа такую непомерную роль. Русский человек обращается к лите-
ратуре как в некоем роде универсальному средству: сказать
ВСЁ.

Он не может выйти на трибуну — и высказаться, он не может
создать религиозный орден или политическую партию, но он может
в ночной тиши вдали от свидетелей создать п р о и з в е д е -
н и е, в котором он скажет В С Ё. И хотя в с ё с~~с~~казать
невозможно, произведение, как гражданский акт и экзистенциаль-
ный порыв, как з а я в л е н и е своим согражданам — такая
мотивация творчества художника ведет к появлению о с о б о й
литературы внутри литературы, создавая литературу либо непечат-
ную — самиздатную, тамиздатную, либо труднопечатную, создающую
в культурном пространстве ее современника о с о б ы е з н а -
ч е н и я, связанную с гражданской позицией и проблемами лично-
го мужества.

СОЛЖЕНИЦЫН И НАРОДНОСТЬ

Что же давит, гнетет русскую литературу и культуру, незави-
симую мысль и личность? Гнетет государство. И потому одним из
главных героев ТАКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ государство и является, — как
у Пушкина в "Медном всаднике", как у Гоголя в "Ревизоре" и в
"Мертвых душах", как в "Войне и мире", "Хадже Мурате", "Воскре-
сеньи" Толстого, у Салтыкова-Щедрина, как в "Котловане", "Юви-
нальном море" А.Платонова и других. У Солженицына ГОСУДАРСТ-
ВО — такой же главный герой, представляющее перед читателем как
ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЕ СУЩЕСТВО. Это что-то вроде гигантского отвратитель-

ного насекомого, в котором мы, люди, — хотим мы того или не хотим, — являемся его клетками, частью его органов. Насекомовидность хомо советикус — это тотальная включенность в исполнение тех или иных государственных функций, и при этом ничто не может его лишить горького права созерцать их античеловеческую сущность. Такая духовная ситуация приводит к тому, что индивид "н и ч е г о сделать не может, но он "всё видит и понимает". Книги Солженицына фантастичны, но не вымышленностью фабул и образов, а тем потрясающим размахом, с которым он дал анализ и образ ГОСУДАРСТВА, которое вошло в русскую и мировую культуру последней трети нашего века, как его апокалипсис, как чудовищное царство кесаря. Как царство геноцида и царство дьявола. И отсюда вытекает н а р о д н и ч е с т в о Солженицына, выведенный им так называемый "народный тип".

На всеобъемлющее порабощение человека государством, индивид отвечает таким же всеобъемлющим конформизмом. Иван Денисович — величайший конформист. Он приспособился к ретивому напору управляющих, иррациональной силе угнетения, путем радикальной индифферентности. Он является главным и парадоксальным следствием системы. В силу радикальной индифферентности он не сделает ничего, чтобы интересы этой системы отстаивать. Развал системы как возможное ее будущее, для него естественно, ибо в нем нет объединяющего с нею смысла. На дне общества, там, где не участвуют в управлении и не разделяют привилегии власти, — существует нечто вроде зоны, в которой "другие правила игры", другая потаенная мораль, другие герои, свой полюс "положительного".

"Народный тип" Солженицына имеет явно толстовское происхождение, но это наследование — не наследование заимствований и переключек, а то, я сказал бы, принудительное единство, которое вытекает из законов русского социального бытия. Но если глубина толстовского народного типа в высветлении в человеке стихийной религиозности, то в глубине солженицынского типа — стихийная витальность. Солженицынский народный тип ничего не сделает сверх того, что не нужно ему для существования. Он ничего не сделает также и для того, чтобы у другого что-то отнять. Он может обмануть раздатчика лагеря — у того морда толстая, — но он не посягнет на права слабейшего, не из нравственных представлений, а из спасительного для себя презрения к слабейшему, который вылизывает в столовке чужие тарелки и роется

в помойке. Это презрение придает ему выносливость и самоуважение. В народном типе живет и более высокая целесообразность — профессиональная и моральная, но эта целесообразность в его условиях жизни либо для него губительна — протесты против ВОХРЫ, — либо оборачивается против таких же, как он — например, конструирование подслушивающих устройств. Народный тип для власти подозрителен. Не потому, что он что-то замышляет, а потому, что власть полагает, что человек предстоящий перед ней что-то скрывает, что-то утаивает, — с в о й р е з е р в ж и з н и, с в о и п р и е м ы в ы ж и в а н и я. Ни одна из сторон не предполагает в другой искренности, а насилие не предполагает борьбы. То есть насилие не имеет никакого нравственного смысла, как не имеет его и н а к а з а н и е. В этом одно из глубочайших следствий террора против народа.

Солженицын в "Архепелаге ГУЛАГ" на самом дне нашел людей, пример которых помог ему выжить физически. Потом он нашел в стране людей, которые позволили ему выжить к у л ь т у р н о.

Система организовала грандиозную травлю писателя, но нашлись люди, которые не включились в нее, в ней не участвовали. Еще позднее он скажет: ж и т ь н е п о л ж и. Индифферентность, таким образом, выдвинула через Солженицына свой п р и н ц и п. Народ, социальный мир, политически бесправный народ — для Солженицына аксиома, — излучает моральное свечение.

Оппозиционная государству культура, представителем которой он бесспорно был, не ограничивает индивида: протестующая сатира и эстетические изыски, ретроспекция и авангардизм в ней уживаются, как плотоядные и травоядные во время лесного пожара или наводнения и, тем не менее, Солженицын, также бесспорно, занял в этой оппозиционной культуре положение исключительное. Сопоставление Солженицына со Львом Толстым рельефно объясняют феномен автора Гулага. Будучи математиком по образованию, офицером по военной службе, писателем по призванию, мыслителем по необходимости Солженицын, тем не менее, понял свою миссию вне задач советской интеллигенции, образованного класса вообще. Понимая себя носителем н а р о д н о й п р а в д ы он определил свою независимость по отношению к интеллигенции и по отношению к неофициальной литературе и культуре. Если культура — есть производство символических значений, и именно через произ-

водства их творец понимает свою задачу, находит свое место среди творчества других, и определяет величину своих заслуг, то Солженицын в конце 60-х и начале 70-х определил себя как человека, имеющего право говорить от народа: говорить властям, говорить интеллигенции, говорить о России миру, миру от лица России. Вследствие этого, его культурное значение как таковое будет, по-видимому, постоянно смазываться, как это делается часто сейчас, и будет смазываться, по-видимому, и в будущем. Тайна Солженицына в том, что он предстал перед своими соотечественниками и миром, как законченно целостное явление, в котором трудно различимы: художник — его личность — произведения — поступки — образ — публицистика. Расщепляя, мы найдем повод для упреков и скептицизма, Солженицын же как целое поражает энергией и прозорливостью своих действий. Трудно поверить, что Солженицыну удалось решительно изменить отношение к нашей многострадальной стране всего мира. В результате этого, режим впервые оказался перед лицом людей, которые прекрасно поняли всю духовную пустоту, фальшивость вывесок, инфернальность власти и обывательское крохоборство его вождей и лидеров. Трудно поверить, что один человек смог развеять столько мифов, поддерживающихся многомиллионным аппаратом. Сальвадор де Мадарьяга скажет: "Мир с Брежневым — это война с Солженицыным". Солженицын изменил представление наших соотечественников о том, что может сделать один человек. О нем можно также сказать то, что сказал Горький о Толстом: "чудовищно разросшаяся личность".

ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ

Между "народным типом" А.С. и гражданской позицией писателя существует огромная разница. Если народный тип, не разделяя грехов системы, сохраняет витальное пространство для здравого смысла и, таким образом, всегда может стать посевом для новой жизни, то в позиции Солженицына конформизм заменен реализмом, а жизненная тактика напоминает то, что в военной тактике носит название "разведка боем". Это довольно варварский способ разведки: когда рота, батальон, или полк начинают наступление исключительно для того, чтобы разведать систему огня противника, для будущего наступления. Солженицын также осуществил "разведку боем" — он выявил всю си-

с тем у подавления в стране антимаппаратного голоса. По отношению к писателю ведомства и службы применяют разные способы окорачивания писателя:

- требование изменить содержание книги и творчества вообще;
- проработка писателя в ССП, в печати;
- клеветническая кампания с тем, чтобы утратить его;
- изъять произведения при обысках;
- лишить социальных и культурных прав, слежка, изъятие почты, перехват отправленных писем, давление на окружение — друзей, членов семьи;
- изъятие из библиотек уже вышедших книг;
- высылка или тюрьма по уголовной статье, — остракизм.

Такие приемы подавления культуры не были для ее деятелей секретом. Но если мы вспомним "дело Зощенко", Пастернака, Синявского и Даниэля, то мы заметим одну и ту же черту, — либо писатели, на которых организовывалась травля, замирали, чтобы "не дразнить быка", либо вели борьбу подпольно. А.С. пошел другим путем. Он сделал каждый шаг погромщиков достоянием общественности, — писал письма, давал интервью, выступал с речами, в которых выявлял не только мотивы и цели их действий. Это было невиданным, безумным нарушением всех существовавших до сих пор правил. Помимо высоких и грозных инстанций и служб, вдруг, на арене русской истории появились новые грозные, и более высокие судия: ПРАВДА, СОВЕСТЬ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ. И все эти союзики писателей, фальшивые классики, мышинная возня КГБ, бездарность высшего руководства, при свете правды, совести и справедливости представали в своем истинном виде.

Всей этой громоздкой и тотальной системе лжи и запугивания он противопоставил блокнот и ручку. На всех заседаниях, совещаниях, где его прорабатывали, он писал. Он решил вести репортаж происходящему. Его действия были поразительно точны, продуманы, последовательны. Он и выступал по составленным записям: давая убийственный анализ позорных действий властей и их ничтожных прихлебателей. Несколько тирад из его речи в Рязани:

"Скажите: когда, где, в какой теории познания отражение предмета считается важнее самого предмета? Разве что в фантомных философиях. Получается так, — не важно, что мы делаем,

а важно, что об этом скажут."

"Нет! Замолчать преступления Сталина не удастся бесконечно, идти против правды не удастся бесконечно". ... "Я спокоен, конечно, что свою писательскую задачу я выполню при всех обстоятельствах, а из могилы — еще успешнее... Никому не преградить путей правды, и за движение ее я готов и принять и смерть — смерть, а не только исключение из союза. Что же, голосуйте, за вами большинство. Но помните, история литературы еще будет интересоваться нашим сегодняшним заседанием".

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ СОЛЖЕНИЦЫНА

Политические взгляды Солженицына вызвали широчайший резонанс в среде советской интеллигенции и на Западе. Я останавлиюсь лишь на некоторых сторонах его воззрений.

Пожалуй, самое замечательное, что внес Солженицын в общественную мысль конца шестидесятых и начала семидесятых, — это то, что он отделил национальное содержание от политического. Наподобие того, как некогда существовала формула — "русский — это православный", — идеология внушала миллионам, что русский народ — носитель идей коммунизма, что он — "беспартийный большевик". Впрочем, такое же убеждение прививалось всем народам СССР. Но Солженицына интересовала судьба русского народа прежде всего. Такая установка исходила, на мой взгляд, из его убеждения, что человек, действующий вне культурной национальной традиции, — в таком положении оказывается человек для данного народа пришлый, чужой, поставленный, — наделен такой глухотой и такой слепотой, что он оказывается годным на самые бессмысленные, бесчувственные, злодейские дела. Он доказывал некоммунистичность русского народа тем, что ссылался на непропорционально малую часть русских в высших эшелонах политической власти в начале революции:

- восстаниями русских крестьян;
- эмиграцией именно русского культурного слоя,
- участием русских во власовском движении во время войны.

Аппаратчики пользовались и пользуются русским языком по всей стране. Но он показал, что это не русский язык, это язык — искусственный, аппаратный, на котором говорит особое сословие номенклатуры, не отражающий ни русской традиции, ни русский

характер. На языке партапаратчиков люди не говорят дома, в семье, среди близких.

Отделив национальное содержание от политического, он показал приоритет национального над политическим. То есть, та политическая система хороша, такая политика может получить одобрение, которая полезна, благотворна для народа. Политика, таким образом, была спущена с высот абсолютных истин, и вечно-верных вождей, она стала чем-то вроде услуги /"придурков", угнетающих трудовое население страны-лагеря./. Такой вывод, нужно сказать, не является преувеличением: сталинский геноцид, гигантские концентрационные лагеря, разорение наиболее насыщенных культурной традицией слоев — крестьянства и интеллигенции, — подтверждает несправедливость, безнравственность и бездуховность нашей политической власти.

Отделив от национального политическое, Солженицын высказал полное и безапелляционное убеждение в том, что эта политическая система с позором рухнет. И он оказался правым, ибо сейчас предпринимаются аварийные усилия преобразовать ее во что-то более человеческое, во что-то более разумное. Отделив от национального политическое, он поставил перед современниками проблему русских как нации. Это проблема Северо-Запада, на котором разместились исконно русская часть народа. Это проблема воскрешения духовного и нравственного авторитета православия, это проблема новой народной интеллигенции, это проблема восточно-славянская. Солженицына можно назвать отцом консервативно-прогрессивной идеи: вперед за счет возвращения России христианских ценностей.

Жизнь и творчество А.И.Солженицына — это невиданный в нашу эпоху протест против лжи, героический порыв к правде. Этот порыв он поднял на уровень религиозной веры — это максимализм, который даже при смертельном исходе, дает радость верно исполненного на земле долга!!!

.....

— Мое выступление посвящено двум темам. Первая — ~~общественное~~ влияние творчества Солженицына на общество; вторая — художественные, жанровые особенности творчества Солженицына. Для того, чтобы говорить о влиянии творчества Солженицына на современников, хочу в нескольких чертах обозначить ~~индивидуальные~~ особенности нынешнего общественного движения, отличающие его от движения 60-х-~~70~~-х годов.

В глаза бросаются три отличия. Во-первых, сейчас на первый план вышли проблемы духовной, а точнее сказать, религиозной жизни. В то время, как в 60-70-е годы главными были проблемы политические, социальные и т.д. Действительно, центр общественного движения прежде составляли правозащитники, а то, что мы называем религиозным возрождением, оставалось на втором ~~плана~~ плане, хотя были известны такие деятели, как о.Дудко, П. Якунин и др., но даже тогда, когда обсуждались проблемы религиозные, они воспринимались, преимущественно, в плане социальном, правозащитном. Например, движение, возглавляемое П.Якуниным. В религии это движение правозащитное.. Сейчас, напротив, всё больше людей в обществе обращается к проблемам религиозным, и проблемы социальные пытаются решать на основе религиозного опыта, в частности, православного. Доказательство: перед вами практически все докладчики, — и Борис Иванов, и Николай Симанков /см. далее/, — говорили о Солженицыне, как о писателе христианском, православном. Я хорошо помню время, когда человек из "честных коммунистов", ярый поклонник Солженицына, говорил, что Солженицына "специально пытаются оклеветать, распространяя слухи, что он якобы ходит в церковь и верит в Бога". Действительно, было такое распространенное мнение. Не случайно, так называемая **ОТТЕПЕЛЬ** обозначилась хрущевским разгромом церкви. Сейчас, то, что называется **ПЕРЕСТРОЙКОЙ** ознаменовалось другим — некоторой легализацией церкви.

Вторая отличительная черта нашего времени — особое внимание в обществе уделяется проблеме национального самосознания. Я имею в виду самосознание русской нации. Эта проблема тоже была второстепенной для 60-х годов. Сейчас это, пожалуй, самая

горячая точка, — любое общественное направление, течение должно определиться национальным отношением. Бури, бушующие вокруг "Памяти", не случайны, это показатель определенного процесса! Литературная борьба 60-х годов, как все помнят, была между сталинистами /журнал "Октябрь"/ и либералами /"Новый мир"/. Сейчас она переместилась к национальному вопросу, к вопросу о патриотизме — "Огонек" и "Московские новости", — с одной стороны, и "Наш современник", — с другой.

Третья отличительная черта — это большая бескомпромиссность, радикальность нынешнего общественного движения. Большая радикальность официальной печати всем известна. Но и классический диссидент 60-х годов ставил вопрос так: я защищаю истинный социализм от его сталинских искажений. Сейчас такие голоса слышны всё меньше, и всё больше, даже в официальной прессе, голосов, призывающих переосмотреть всю нашу 70-летнюю историю. А в неофициальной, неформальной прессе всё больше говорится об inferнальности этих 70-ти лет.

Вот три, на мой взгляд, главных изменения. Чем они обусловлены? Ну, естественно, здесь тысячи причин. Но, думаю, одна из главнейших — это влияние творчества А. Солженицына. Книги Солженицына переориентировали общество в трех основных направлениях: религиозно-духовном, национально-патриотическом и социально-политическом. Почему это произошло? Сегодня у нас в обществе всё более influentially и громко звучат голоса людей, которые формировались под непосредственным, либо косвенным влиянием Солженицына. С одной стороны, это те, кто молчал все эти годы в силу своего конформизма. С другой стороны, — это те, кто вынужден был молчать, потому что находились в тюрьмах и лагерях. С третьей, — это поколение, которому по возрасту еще не настало время говорить. Я, естественно, останавливаюсь особенно на этом поколении, потому что сам к нему принадлежу. В самом деле, сейчас в жизнь на равных правах входит первое послевоенное поколение, которое именно в пору своего формирования испытало колоссальное влияние идей Солженицына. Ну, в частности, те, кто читал наш журнал "Выбор" видят, что там писатели разного возраста, даже разных эпох, но и редакторский и авторский костяк — именно этого поколения. Скажем, я читал Солженицына в студенческом общежитии, когда его вещи давались на одну ночь. Мой соредактор Виктор Аксютин — читал, когда был военным моряком, — проносил

книги Солженицына под тельняшкой и в кубрике читал "Архипелаг". Это поколение, может быть, сейчас наименее влиятельное, но зато наиболее многочисленно. Продолжая эту тему я бы хотел в каком-то смысле периодизировать влияние Солженицына на общество. Периодизировать не творчество Солженицына, а его влияние, — тут хронология не будет совпадать. Первый этап, — это "Один день Ивана Денисовича" и рассказы официально опубликованные. Они явились высшей точкой исторического сознания общества в период оттепели. Главное, что произошло, — внимание было повернуто от легендарных командармов, наркомов, "честных коммунистов" — к народу, как основной жертве сталинизма. Второй этап — это романы "Раковый корпус" /Солженицын называет эту вещь повестью/ и "В круге первом". Если "Один день Ивана Денисовича" зафиксировал реальные возможности оттепели, то романы зафиксировали ее потенциальные возможности. Недаром, вожди 60-х для нас так и остались в порыве к напечатанию этих произведений Солженицына: Хрущев хотел — раздумал, Твардовский пытался — не смог. И не случайно, что современные журналы, тот же "Новый мир" стремились напечатать именно эти романы, потому что они стали таким же высшим проявлением нынешнего, перестроечного сознания, как "Один день" — той оттепели.

И третий этап,. Не случайно, что сам Александр Исаевич категорически отказывается печатать что-либо в СССР до того, как будет напечатан "Архипелаг ГУЛАГ". В письме Залыгину, Солженицын выдвигал следующие причины: во-первых, за эту книгу он был объявлен предателем Родины, и во-вторых, — десятки, если не сотни людей сидели за чтение и распространение "Архипелага". Думаю, есть и другая причина. "Архипелаг", "Бодался теленок с дубом", "Ленин в Цюрихе" задают принципиально иной уровень освещения религиозных, национальных и социальных проблем. Солженицын противостоит в этом не только либеральной эпохе 60-х годов, но и нынешнему, перестроечному сознанию. Если романы Солженицына — наш день сегодняшний: потребовались десятилетия, чтобы солженицынское осознание сталинизма стало нынешней нормой, — то "Архипелаг", "Теленок" — это наш день завтрашний. Но некоторый свет будущего виден и сейчас. Именно эти произведения, как мне кажется, влияют на наиболее активную часть общества — именно на тех, кто не хочет останавливаться на нынешнем этапе нравственного поиска, а пытается идти и вести об-

щество дальше.

И четвертая группа произведений — четвертый этап влияния. Я имею в виду эпопею Солженицына "Красное колесо" и зарубежную публицистику. Эти произведения имеют самое маленькое, на мой взгляд, влияние на наше теперешнее общество. И не только потому, что хождение "Красного колеса" и даже отдельных книг, весьма незначительно. А опять-таки, дело в уровне сознания. Мне кажется, что в целом наш читатель не готов к тому взгляду Солженицына, который есть в этих книгах. Наш читатель изолирован во времени и пространстве. Солженицын попытался разорвать единство времени и места и увидеть Россию, с одной стороны, в историческом развитии, с другой — из своего прекрасного далека. То есть, Россию и в истории, и в мире. Мы же, замкнутые в своей точке, как мне кажется, к такому взгляду не готовы, и очень многие нынешние явления, — я о них буду говорить, — это показывают. Мы не в силах угнаться за Солженицыным сейчас ни вглубь — в историю, ни в ширь — в мир. Это наш день послезавтрашний.

Но нужно говорить не только о положительных моментах взаимоотношений Солженицына с нашим обществом, но и об отрицательных, — а они всегда есть. Всегда — особенно, если писатель — пророк, — он вступает в сложные отношения с обществом. Общество не только преклоняется перед ним, но и бросает в него камни, хотя бы за то, что он ушел вперед. Вспомните, что Пушкина после "Бориса Годунова", вернее, начиная с "Бориса Годунова", считали устаревшим, исписавшимся писателем. Это 1825 год. Пушкин умер, когда квартира его была завалена нераскупленными книгами. С другой стороны, пророка могут избивать камнями за то, что он служит не только нравственным образцом, но и нравственным упреком. И еще, как говорил Пушкин, — "начинают кусать грудь кормилицы, потому что зубки прорезались, — есть во взаимоотношениях и такая причина.

Я говорил об общих вещах. Во взаимоотношениях Солженицына и читателя есть своя особенность, обусловленная судьбой именно Солженицына. Сейчас, чуть ли не после каждой газетной публикации, после каждого романа на тему репрессий, слышится, иногда в шутку, иногда всерьез: "Ну, это посильнее Солженицына! Если бы это напечатать раньше, Солженицын был бы не нужен". Ну, с чем это связано? Ведь говорят, у Солженицына много врагов,

тех, кто хотят, чтобы его забыли, — враги с разных сторон. Но это большей частью говорят не враги, не недоброжелатели Солженицына. Всё просто: говорят люди, которые Солженицына, по-просту, не знают. И это никак не противоречит тому, что я говорил о влиянии Солженицына. Да, Солженицын влияет — чем? Своим нравственным пафосом, некоторыми отдельными идеями, в лучшем случае, отдельными произведениями. Но весь трагический творческий путь великого русского писателя, в его развитии, скрыт от народа. Мало кто может похвастаться, что он его творчество действительно знает. Мы пробовали при журнале "Выбор" опубликовать книжку одного известного автора, которая называется "Путеводитель по Солженицыну", — более-менее полное от начала до конца изложение творчества и идей писателя. Нам представлялось, что все это знают. Оказалось, что книжку рвут из рук — просто никто не знает самых элементарных вещей. И откуда уметь восприятия Солженицына.

Солженицына воспринимают либо, как писателя лагерной темы, — и тогда начинают сравнивать, скажем, с Шаламовым, с Жигулиным, — либо как писателя антисталиниста, — тогда в ход идут Гроссман, Рыбаков и т.д. Удивляться сравнениям нечего. Солженицына мы не читали — глотали. На одну ночь дается "Бодался теленок с дубом", на другую — том "Архипелага". Сейчас же, комфортно устроившись, мы читаем Шаламова, Гроссмана, Рыбакова и начинаем сравнивать — даже не факты, о которых рассказывает Солженицын, а свое впечатление от этих фактов с фактами, свеженькими, из газетной статьи. Мы опять-таки, устроившись в кресле, проникаем в художественную ткань Шаламова и начинаем говорить: "А вот Солженицын — не то!" Кто из нас читал Солженицына с художественной точки зрения?! При том информационном голоде, который у нас есть, у нас был интерес только к фактам. Вот из этого возникают такие мнения, которые сейчас очень распространены. Что ж, давайте говорить о Солженицыне, как о писателе репрессий и лагерей. Но это то же самое, что говорить о Гоголе, как о мало-российском бытописателе, и каждого "деревенщика", который пишет на украинскую тему, называть Гоголем.

Тема лагерная и "сталинизм" занимают в творчестве Солженицына ровно такое место, какое они занимают в жизни России XX века. Так вот, ВСЯ эта жизнь, а не какой-то отрезок, — и есть главная тема творчества Солженицына. Здесь Солженицына сравнивать

не с кем. Если взглянуть на творчество Солженицына в целом, произведения им написанные, образуют трилогию. Первая часть — до-революционный период — "Красное колесо". Вторая часть — "Архипелаг, 1918-1956". И третья — "Бодался теленок с дубом" — оттепель и последующие заморозки. Произведения складываются в величайшую эпопею русской народной жизни XX века, и, повторяю, Солженицына здесь сравнивать не с кем.

Скажу еще об одном аспекте современного восприятия Солженицына. Сейчас, кроме нашего вечера, на который мы здесь собрались, еще семь вечеров, посвященных Солженицыну, проходят в Москве. Причем, вечеров больших — в залах от 300 до 700 мест. Это все отрадно. Но есть негативные факты. Все знают о выступлении Вадима Медведева, который сказал, что прежде никогда не читал Солженицына, но теперь прочел и ему не понравилось, — Солженицын глумится над жертвами 37 года. Было сорвана обложка "Нового мира". Но это, так сказать, официальная сторона. Есть и с нашей стороны, со стороны общественности негативные явления. Я не знаю, как у вас проходит работа общества "Мемориал", в Москве, на первой большой конференции общества "Мемориал" за весь день работы имя Солженицына не было упомянуто ни разу. Людям, которые хотели выступить, не давали слова. Только благодаря стараниям редактора неофициального журнала "Референдум" Льва Тимофеева и, главным образом, моего соредактора по журналу "Выбор" Виктора Аксютца, которому за полчаса до окончания заседания дали слово, и он мог предложить резолюцию, в которой признавался вклад Солженицына в разоблачение сталинских зверств, выдвигалось требование опубликовать "Архипелаг" и возвратить гражданство Солженицыну. Огромный зал поддерживал эту резолюцию. Оргкомитет пытался всячески мешать, предлагал: "мы потом рассмотрим, утвердим, внесем изменения". Когда все эти попытки не удались, вышел замредактора "Литературной газеты" Изюмов и заявил, что никаких резолюций принимать нельзя, потому что "Литературная газета" располагает данными о том, что Солженицын являлся в лагере осведомителем. То есть в ход была пущена старая фальшивка. В предыдущем докладе Гурьянова хорошо говорилось о такой технике: сначала "утка" появляется за пределами СССР, а потом у нас на нее ссылаются. Вот эта чешская подделка сейчас пошла в ход. Стараниями нескольких людей зал стал угрожать Изю-

мову полным уходом, только после этого резолюция была принята. На митинге "Мемориала" в парке "Измайлово" был подобный инцидент. Христианскому писателю Феликсу Светову не дали поставить аналогичную резолюцию на голосование.

В заключении я хочу сказать о художественной стороне творчества Солженицына. Есть такое мнение: "Да, Солженицын очень многое сделал, но это — деятель общественный, а как художественные произведения, мы лучше будем читать "Доктора Живаго" или что-то другое". Поэтому хочу сказать несколько слов о Солженицыне как художнике. То, что произведения Солженицына складываются в современную эпопею, — не трудно доказать литературоведчески. Строгому определению термина "произведение" соответствует: во-первых, всесторонность освещения исторического момента, во-вторых, — главным объектом изображения является судьба народа в эту историческую эпоху. С другой стороны, мы видим, что "Архипелаг ГУЛАГ" и "Бодался теленок с дубом" коренным образом отличаются от видов эпопеи, для нас привычных: и от эпопеи Гомера, и от "Войны и мира", например. Да, конечно, отличаются. И поэтому нужно говорить о третьем периоде в эволюции эпопеи: древняя эпопея, роман-эпопея и эпопея — художественное исследование. Так определил Солженицын жанр "Архипелага", но это в равной степени может быть отнесено и к "Красному колесу" и к мемуарной книге "Бодался теленок с дубом".

Солженицын огромное значение придавал и придает поиску жанра. И трудности, которые на его долю тут выпали, беспрецедентны. Солженицын в "Теленке" рассказывает, что когда он написал первую пьесу и понял, что она получилась крайне неудачной, он вдруг вспомнил /это был конец 50-х годов/, что последняя театральная постановка, которую он видел, был спектакль в Ростове в 30-х годах, — то есть глубокая провинция уже для того времени. И это характерно для всего творческого пути Солженицына, — писатель был оторван от литературной традиции и процесса. Я не говорю о западной литературе, он был оторван даже от самого интересного, что было в советской литературе. Отсюда сложности, отсюда и высота, на которую поднялся Солженицын. Ему пришлось и в художественном, — не только в духовном плане, — непосредственно вести линию своей прозы от русской прозы XIX века. И Солженицын, через 50 лет традиций, по-своему, продолжил. Эпопея,

как художественное исследование родилась на стыке разных жанров: романа, публицистики, мемуаристики, исторической хроники. Это первая особенность. Вторая — это то, что границы между этими составляющими крайне подвижны. Скажем, в "Архипелаге" преобладает историческое исследование, в "Теленке" — мемуаристика, в "Красном колесе" — беллетристическое начало, историческое. Но как бы эта граница не перемещалась, всегда остается художественное начало. Потому что Солженицын всегда мыслит образами и образно воспроизводит действительность. То есть это художественные произведения в широком значении слова. И одновременно идет другой процесс — вытеснение узкохудожественного, т.е. чисто беллетристического начала. Действительно, даже в "Красном колесе" беллетристическое начало сильно, образы выдуманные или полу-выдуманные, типа Воротынцева. Образами своих современников — Твардовского, например, или исторических вождей — Керенского и др., — Солженицын, прежде всего, и войдет в литературу. Интересно, что даже многие профессиональные литературоведы этого не понимают. Литературовед Лакшин попытался ответить на "Теленку", опровергнув какие-то факты. Но это невозможно. Если писатель такого плана, как Солженицын, в чем-то погрешил против истины, то он ответит теперь уже только перед Господом Богом, никакими фактами художественное литье образа опровергнуть нельзя. Это совершенно бесполезное занятие.

В художественном плане Солженицын тоже оказался пророком, тоже предвосхитил на несколько десятилетий развитие нашей литературы. Сравните с 60-ми годами, — кто был тогда застрельщиком всего положительного в обществе? Это были прежде всего поэты и беллетристы. Сейчас мы читаем, конечно, и поэзию, и беллетристику, но, в принципе, мы дочитываем то, что было написано тогда и было от нас сокрыто. Сейчас на передний рубеж вышли исследования исторические, публицистические, мемуарные. Но это, конечно, первые робкие шаги. И сейчас очень далеко нам, нашей литературе до той цельности, образец которой Солженицын нам дал.

Солженицын не только отвечает на вопросы, но их и задает. Последний по времени немой вопрос, поставленный перед нашей гласностью, перестройкой, всем, с этим связанным, — выдержат ли они испытание Солженицыным? А если выдержат, то какие изменения во всем нашем обществе потребуются? Пока картина остается классической. Я свой доклад называл "Пророк и отечество". Это

"и" скорее не соединяющее пока, а разделяющее: пророк вне отечества и отечество без пророка. Когда произойдет это соединение? Завершая свое выступление, хочу прочесть маленький отрывок из письма Александра Исаевича нам, редакторам "Выбора", — это письмо от 30 июля 1988 года. Солженицын пишет: "Это правда, все годы изгнания, всеми помыслами, всей работой я — только на родине и не теряю надежды при жизни вернуться. Но это будет никак невозможно до напечатания в СССР моих главных книг. Я не могу вернуться как бы немой, еще ничего не сказавшим, — и тогда начать восполнять сокрытые 50 лет моей работы, — как же: газетными статьями? Пока, я думаю, мои готовые книги — какую бы тонкой струйкой они не текли — есть единственно верный, правильный путь моего участия в русской жизни".

.....

Надо сказать, что Александр Исаевич в своих статьях, в своих публичных выступлениях и по той духовно-нравственной идее, которую он нес, — конечно, связан, прежде всего, ~~принцип~~ с русской религиозной нравственной традицией, которая существовала в XIX веке, и начало которой было положено в творчестве Достоевского и Владимира Соловьева, затем продолжено в русской религиозной философии и публицистике начала века. Я имею в виду прежде всего знаменитый сборник "Вехи", на который он часто ссылается, и на второй, может быть, менее известный, но очень важный, тоже сборник, написанный уже после революции, — "Из глубины". Сборник, который создал Солженицын вместе с Шафоровичем и другими, и который вышел где-то в 1973 году, был создан в Москве и назывался "Из-под глыб". Здесь даже в самом названии была очевидная связь, традиция, они принципиально, так сказать, это подчеркивали.

Но дело даже не в названии, а в тех идеях, которые были выражены в этом сборнике. Одна из статей называлась "Образованщина" и была посвящена проблеме советской интеллигенции, ее ответственности за судьбу России, за судьбы культуры. И вся проблематика его творчества — в публицистическом смысле — конечно, связана с теми проблемами, которые стояли уже перед сборником "Вехи". Солженицын проделал путь от марксизма до христианства, до православия. Его духовный путь — это сложный путь русского человека, русского интеллигента, аналог которому мы можем найти в творчестве Н.Бердяева, С.Булгакова, С.Франка, Л.Ильина и других. Большое место в творчестве Солженицына занимают: проблема идеи прогресса, проблема культуры и цивилизации, проблема философии истории, проблема человека, личности, проблема религиозного и секулярного сознания. Круг этих проблем и составляет ядро русской религиозной философии, русской религиозной публицистики. Они являются как бы выражением русской идеи. Значение Солженицына, прежде всего, в том, что он соединил концы с началами, образовал связь времен, которая была потеряна на многие десятилетия. Мы видим снова те же вопросы, только поставленные иначе, более глубоко — после трагического опыта, после той трагедии, которая совершилась в России.

Уже с новыми оценками он пытается найти главную линию русской религиозной, нравственной мысли.

Что касается художественного творчества Александра Исаевича, то здесь также очевидно продолжение традиции. Это традиция "Бесов" Достоевского, "На ножах" Лескова, традиция так называемого антинигилистического романа XIX века, который так возмущал русскую революционную интеллигенцию. В своих романах тему нигилизма Солженицын все время ставит и решает. И конечно, "Архипелаг ГУЛАГ" является апофеозом, самым главным его произведением в этом смысле. И здесь мне хотелось бы сказать несколько слов о наших западных читателях. Один из современных французских философов после чтения ГУЛАГА сказал, что в марксизм он больше не верит, скорее поверит теперь уже в дьявола и в победу зла в мире. В Бога, может быть, будет верить, но не в марксизм. Если раньше западная интеллигенция — до солженицынского "ГУЛАГА" — исповедывала левые взгляды, развивали марксизм, видя в нем ценное гуманистическое ядро, то после солженицынского "ГУЛАГА" оценки западной интеллигенции резко изменились. Это не случайно. До Солженицына можно было спорить о том, носит ли зло социальный характер или оно носит только нравственный. Или зло — это только недостаток добра. После книг Солженицына невозможно уже так ставить вопрос. Зло носит метафизический характер. Солженицын показывает, что зло не только социально, это не только отсутствие добра, — это активное зло, активная динамика зла существует в истории. В творчестве Солженицына есть попытка найти противоядие этому злу, найти спасение, исцеление от этого зла. И для Солженицына — это прежде всего христианство, прежде всего — православие.

Следует говорить о критике Солженицыным интеллигентского нигилизма, критике позиции интеллигенции вообще и культа интеллигенции. Хорошо известно его отношение к этому. Он пишет: русская интеллигенция зародилась, когда Радищев поехал из Петербурга в Москву и увидел крепостных. Сердце Радищева не смогло вынести этого. Радищев, собственно, отец русской интеллигенции. Радищев начинает период интеллигента-освободителя в России, интеллигента, который создает особый орден, революционный орден. Но заканчивается эта линия, когда после строительства Беломор-Балтийского канала, русская интеллигенция — Горький и другие —

попадают на этот Беломоро-Балтийский канал. Вот здесь, когда они беседуют с уже "перекованными" каторжным трудом людьми, — в этом образцовом концлагере кончается, — говорит Солженицын, — эта линия русского освободительного движения, линия секулярного гуманизма, атеистического, нигилистического и разрушительного. И здесь мы видим ту же традицию, которая начинается у Достоевского в "Бесах", вообще, в творчестве Достоевского, — проблема зла в русской интеллигенции. Солженицын, я хотел бы подчеркнуть, являет нам собой связь времен. Он вернулся к главным духовным исканиям и идеалам русской духовной культуры.

.....